

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 331.5

JEL I21, J24, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38

EDN TMYBNU

Трансформация образовательных стратегий выпускников школ: предпочтения к СПО или ВУЗам (сравнительный анализ 2018/2024 гг.)

Владимир Семенович Половинко¹, Игорь Владимирович Диннер²

^{1,2}Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия

¹(pw3@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6858-045X>)

²(igor-dinner@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0269-4443>)

Аннотация

Целью статьи является выявление образовательных стратегий выпускников школ в отношении выбора между программами высшего и среднего профессионального образования. Исследование направлено на эмпирическую фиксацию сдвигов в образовательных предпочтениях школьников, а также на выявление роли социально-демографических и академических факторов в формировании образовательных траекторий. Гипотеза исследования: в период 2018–2024 гг. произошла не просто количественная коррекция, а качественная трансформация образовательных стратегий старшеклассников, характеризующаяся: изменением институциональной роли СПО, инверсией территориального эффекта, превращением академической успеваемости в ключевой селективный фильтр доступа к высшему образованию. Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий положения экономики образования, социологии молодёжи и теории человеческого капитала. Образовательный выбор трактуется как результат взаимодействия рационального расчёта ожидаемых выгод и издержек, институциональных ограничений и социально-территориальных условий. В качестве основных методов использованы описательная статистика, сравнительный анализ и бинарная логистическая регрессия, включая модели с интеракционными эффектами и сценарное моделирование вероятностей образовательного выбора. Информационную базу исследования составили результаты двух массовых социологических опросов учащихся 9–11 классов общеобразовательных организаций Омской области, проведённых в 2018 и 2024 гг. Объём выборки составил более 26 тыс. респондентов, что обеспечивает статистическую устойчивость полученных оценок и сопоставимость временных срезов. В ходе исследования выявлена структурная трансформация образовательных стратегий: зафиксирован устойчивый сдвиг от ориентации на высшее образование в пользу среднего профессионального образования. Установлена инверсия территориального эффекта, усиление селективной роли академической успеваемости и снижение значимости гендерных различий. Показано, что среднее профессиональное образование перестаёт быть вторичной стратегией, и формируется как институционально и экономически рациональный выбор. Сделан вывод о нарастании образовательного неравенства и закреплении селективной модели доступа к высшему образованию уже на этапе окончания основной школы.

Ключевые слова: образовательные стратегии, выпускники школ, высшее образование, среднее профессиональное образование, профессиональное самоопределение, образовательное неравенство, территориальные различия, человеческий капитал, рынок труда

Для цитирования: Половинко В.С., Диннер И.В. Трансформация образовательных стратегий выпускников школ: предпочтения к СПО или ВУЗам (сравнительный анализ 2018/2024 гг.) // Уровень жизни населения регионов России. 2026. Том 22. № 1. С. 26–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38 EDN TMYBNU

RAR (Research Article Report)

JEL I21, J24, R23

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38

Transformation of Educational Strategies of School Graduates: Preferences for Secondary Vocational or Higher Education (Comparative Analysis of 2018/2024)

Vladimir S. Polovinko¹, Igor V. Dinner²

^{1,2}Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

¹(pw3@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0001-6858-045X>)

²(igor-dinner@yandex.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-0269-4443>)

Abstract

This article analyzes the transformation of educational strategies of upper-secondary leavers regarding the choice between higher education and secondary vocational education in contemporary Russia. The study aims to identify shifts in educational preferences and to assess the influence of socio-demographic and academic factors on the formation and differentiation of educational trajectories. The research hypothesis assumes that in 2018–2024 educational strategies underwent a qualitative transformation, characterized by the increasing institutional role of secondary vocational education, the inversion of territorial effects, and the strengthening of academic achievement as a key selective filter for access to higher education. The methodological framework is based on an interdisciplinary approach integrating human capital theory, economics of education, and youth sociology. Educational choice is interpreted as the outcome of rational cost-benefit

© Половинко В.С., Диннер И.В., 2026

considerations, institutional constraints, and socio-territorial conditions shaping individual decision-making. The study applies descriptive statistics, comparative analysis, and binary logistic regression, including interaction models and scenario-based probability estimates. The empirical base includes two large-scale surveys of students in grades 9–11 in the Omsk region conducted in 2018 and 2024, with a total sample exceeding 26,000 respondents. The results demonstrate a stable shift toward secondary vocational education, increased selectivity of higher education, and the consolidation of educational inequality already at the stage of completing lower secondary school. The study identified an inversion of territorial effects, a strengthening of the selective role of academic achievement, and a reduced significance of gender differences. It is shown that secondary vocational education is no longer a secondary strategy and is increasingly formed as an institutionally and economically rational choice. The findings indicate growing educational inequality and the consolidation of a selective model of access to higher education already at the stage of completing lower secondary school.

Keywords: educational strategies, school graduates, higher education, secondary vocational education, professional self-determination, educational inequality, territorial differences, human capital, labor market

For citation: Polovinko V.S., Dinner I.V. Transformation of Educational Strategies of School Graduates: Preferences for Secondary Vocational or Higher Education (Comparative Analysis of 2018/2024). *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2026;22(1):26–38. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2026_22_1_2_26_38 (In Russ.)

Введение

Формирование человеческого капитала страны существенно зависит от функционирования системы образования, которая в последние десятилетия трансформируется, в том числе в векторах приоритетности высшего (далее – ВПО) и/или среднего профессионального образования (далее – СПО). В этих условиях меняются образовательные стратегии старшеклассников. За последние 5 лет произошли ряд макроэкономических и социальных изменений, включая изменение структуры национального и регионального рынков труда.

Сдвиг на рынке труда и экономический фактор. Наблюдается устойчивый рост спроса и оплаты труда в промышленно-производственном секторе, что создаёт новую экономическую мотивацию для выбора СПО как доходной стратегии¹. Заработная плата в критически важных отраслях, связанных с рабочими и техническими специальностями, росла опережающими темпами.

Трансформация образовательных институтов. Происходит усиленное развитие системы СПО, поддерживаемое государством через увеличение бюджетных мест (контрольных цифр приёма – далее КЦП), модернизацию и федеральные проекты (например, «Профессионалитет»)². Са-

¹ Зарплата в промышленно-производственном секторе выросла на 307% // Российский союз промышленников и предпринимателей: [сайт]. URL: <https://rspp.ru/events/news/rostrud-zarplata-v-promyshlennoproizvodstvennom-sektore-vyroslo-na-307/> (дата обращения: 10.12.2025); Занятость и заработная плата работников по видам экономической деятельности в Омской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: [сайт]. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/katalogzanjatost> (дата обращения: 10.12.2025); Федеральная государственная информационная система «Работа России»: [сайт]. URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 10.12.2025).

² Контрольные цифры приёма по образовательным программам высшего образования в 2018–2024 гг. // Минобрнауки России: [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/> (дата обращения: 09.12.2025); Профессионалитет: [сайт]. URL: <https://xn--n1abdr5c.xn--p1ai/> (дата обращения: 09.12.2025); Мониторинг экономики образования – 2024 // На-

мый значительный рост КЦП наблюдается именно в СПО, что делает его самой массовой образовательной траекторией. В секторе ВПО рост идёт преимущественно за счёт инженерных и технических специальностей.

Таким образом, выбор образовательной траектории выпускника перестал быть сугубо социальным или инерционным решением, став комплексной реакцией на макроэкономические и институциональные изменения.

Несмотря на очевидные изменения в экономике и государственной образовательной политике, в научном дискурсе до сих пор отсутствует систематический сравнительный анализ того, как именно эти изменения повлияли на реальные образовательные стратегии выпускников школ. Период 2018 года может служить точкой отсчёта (до активной фазы реформ и выраженного дефицита кадров), а 2024 год – фиксацией текущего состояния, сформированного под воздействием всех указанных макрофакторов. Проблема исследования заключается в научном осмыслении и эмпирическом доказательстве того, как эти факторы повлияли на образовательные стратегии выпускников школ в пользу СПО или ВУЗа, а также о возможностях использования этих результатов в профессиональном самоопределении.

Целью исследования является выявление образовательных стратегий выпускников школ в отношении выбора между программами высшего и среднего профессионального образования. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

1. Выявить и эмпирически сопоставить образовательные предпочтения выпускников школ в 2018 и 2024 гг. для определения векторов трансформации их образовательных стратегий.

циональный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: <https://memo.hse.ru/> (дата обращения: 09.12.2025).

2. Сформулировать выводы о сценарном выборе образовательных траекторий на основе основных атрибутивных признаков.

Объект исследования: образовательные стратегии выпускников школ. Под образовательными стратегиями выпускника школы будем понимать комплекс мотивационных паттернов и прагматических решений, направленных на выбор образовательной траектории после окончания учебного заведения. Теоретически она может включать: выбор уровня образования (СПО, ВУЗ); выбор типа учреждения (региональный, столичный, зарубежный ВУЗ, колледж); определение профиля, специальности, сферы деятельности; оценку ресурсных возможностей (успеваемость, финансы, поддержка семьи); намерения трудоустройства или миграции. В рамках данной статьи предметом исследования является динамика выбора между СПО и ВУЗами в контексте социально-демографических факторов.

Гипотеза исследования: в период 2018–2024 гг. произошла не просто количественная коррекция, а качественная трансформация образовательных стратегий старшеклассников, характеризующаяся изменением институциональной роли СПО, инверсией территориального эффекта, превращением академической успеваемости в ключевой селективный фильтр доступа к высшему образованию.

Содержание и логика исследования базируется на теории человеческого капитала, роли системы образования в его формировании. В работе Т.О. Разумовой и И.Г. Телешовой высшее образование трактуется как институт двойного назначения: обеспечение рынка труда высококвалифицированными кадрами и одновременно предоставление возможностей саморазвития и самореализации личности [1]. Существенным вкладом является акцент на необходимости методологического сопряжения образовательной политики и экономики труда, что задаёт рамку интерпретации образовательных предпочтений школьников как рационального ответа на меняющуюся «цену» и «отдачу» образовательных уровней [1]. Схожая институциональная перспектива прослеживается в анализе рыночной трансформации образования и её последствий для неравенства человеческого капитала [2]. В совокупности эти работы формируют важный тезис: ценность высшего образования перестает быть универсальной, а становится дифференцированной по территориям, социальным группам и качеству образовательных траекторий, что требует эмпирического анализа именно на этапе выбора образовательной траектории.

В исследованиях последнего времени усиливается фокус на стратификацию качества высшего

образования. Так, К.В. Рожкова, С.Ю. Рошин, С.А. Солнцев и П.В. Травкин показывают, что различия между вузами по качеству подготовки и селективности корреспондируют с различиями в заработных платах выпускников, т.е. высшее образование функционирует как неоднородный институт, воспроизводящий «качественную» образовательную и, далее, доходную стратификацию [3]. Это принципиально важно для интерпретации школьного выбора: рациональность ориентации на ВУЗ может ослабевать не из-за падения ценности образования в целом, а вследствие снижения ожидаемой отдачи от «массового» сегмента высшего образования и роста привлекательности прикладных траекторий, ориентированных на быстрый вход на рынок труда.

Анализ связи социально-экономического неравенства и образовательной мобильности в статье Е.В. Сапир и А.А. Чистяковой показывает, что неравенство может выступать фактором ограничения межпоколенческой образовательной мобильности, закрепляя «коридоры» доступных траекторий и снижая вероятность выхода на более высокий уровень образования у групп с меньшими ресурсами [4; 5; 6; 7]. В контексте региональных исследований это усиливает значимость территориальных различий: региональные и поселенческие эффекты становятся не фоном, а механизмом воспроизводства образовательных различий.

Исследования, посвящённые выбору траектории, фиксируют рост значимости территориального фактора и усиление адаптивных стратегий, в том числе через СПО как «транзит» или как самостоятельную конечную траекторию. В работе Н.А. Овчар, Е.В. Ануфриевой, Н.В. Дулиной и Е.Г. Ефимова показано, что решение о поступлении в университет формируется под воздействием более широкого набора факторов, чем академические показатели: территориальная локализация вуза, семейные традиции, социально-экономические ресурсы, а также барьеры конкурентного отбора. При этом СПО может выполнять функцию обходного канала доступа к высшему образованию («транзитная траектория»), либо становиться самостоятельной стратегией в условиях ограниченной доступности бюджетных мест и неуверенности в результатах академической селекции [8; 9; 10].

Профессиональное самоопределение в современных работах рассматривается не как разовый выбор профессии, а как процесс конструирования образовательной стратегии [11]. В логике рассматриваемой темы это означает, что выбор ВУЗ/СПО следует трактовать как ранний индикатор более широкого спектра ожиданий и представле-

ний о доступных каналах социальной мобильности [12; 13; 14].

Теоретические и методологические положения

С методологической точки зрения исследования можно отметить, что применение бинарной логистической регрессии для моделирования образовательного выбора соответствует сложившейся практике в современных российских социально-экономических исследованиях, в том числе по вопросам образовательного выбора (см. работы А.К. Адамовича, Г.К. Чередниченко, В.А. Мальцевой и др.) [7; 9; 13]. Ряд авторов, например, И.В. Васенина, М.Е. Липатова, В.А. Сушко, Л.Ю. Логунова и др., для повышения объяснительной силы моделей включают расширенный набор предикторов, таких как социально-экономический статус семьи, тип школы и материальные ресурсы, вложения в подготовку к поступлению в вуз и др. [15; 16]. Это ставит вопрос об оптимальности и целесообразности расширения количества переменных для построения сценарных моделей с точки зрения практического применения.

Анализ литературы выявляет важный методологический разрыв: значительная часть исследований либо сосредоточена на институциональном уровне (реформы, рынки квалификаций, качество вузов) [1; 3], либо использует локальные/проектные массивы без строгой сопоставимости во времени [8], либо рассматривает профессиональное самоопределение преимущественно в педагогико-психологической логике без развёрнутой экономико-социологической операционализации факторов неравенства [11; 15; 16].

Если характеризовать в целом, то исследование опирается на интеграцию:

- Концепции рационального выбора (максимизация ожидаемой полезности) [17], согласно которой выбор определяется сравнением ожидаемой выгоды и издержек. Образовательные стратегии рассматриваются как ключевой механизм воспроизводства человеческого капитала регионов, напрямую влияющий на уровень и качество жизни населения. Дополнительным теоретическим основанием является социологическая интерпретация образования как социального лифта и одновременно механизма социальной селекции. В контексте нашего исследования это означает, что: выбор СПО против ВУЗа определяется сравнением ожидаемой чистой выгоды (скорость получения высокооплачиваемой работы, качество трудовой жизни) и издержек (срок обучения, финансовые затраты, доступности образования).

- Элементы теории социального воспроизводства П. Бурдьё (влияние габитуса и социаль-

ного капитала) [18], в рамках которой стратегия есть компромисс между рациональным расчётом и инерцией социального престижа ВУЗа. С этой позиции образовательная стратегия рассматривается как результат компромисса между рациональным расчётом и инерцией социального престижа ВУЗа, который исторически является маркером высокого социального статуса. Трансформация стратегий 2018–2024 гг. может быть объяснена эрозией традиционного габитуса (по П. Бурдьё) под давлением экономических факторов и государственной пропаганды СПО.

В целом принцип социологического реализма действительно стал ключевым: образовательный выбор интерпретируется как результат взаимодействия индивидуальных характеристик (успеваемость, пол, территория) и институциональных условий (государственная политика в сфере высшего и среднего профессионального образования, изменения на рынке труда, контрольные цифры приёма).

Кроме того, исследование опиралось на институциональный подход. Можно выделить следующие ключевые институциональные изменения (2018–2024 гг.): кратное увеличение бюджетных мест в СПО; модернизация СПО и усиление связи с работодателями в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет»; сдвиг в структуре КЦП в высшем образовании (рост бюджетных мест преимущественно по инженерным и техническим специальностям); изменения на рынке труда (опережающий рост оплаты труда в промышленно-производственном и рабоче-техническом секторах); ограничение платного приёма в вузах по ряду направлений (с 2026 г.), что усиливает селективность доступа к высшему образованию.

Методологическая основа исследования построена в логике сравнительного анализа двух временных срезов (2018 и 2024 гг.). В качестве ключевой зависимой переменной используется образовательная стратегия респондента, операционализированная в бинарном виде: выбор высшего образования (ВУЗ = 1) и выбор среднего профессионального образования (СПО = 0). Ответ «нет планов», из анализа исключается ввиду незначительного количества (4,9% и 3,65% в соответствующий период), а также вследствие недостаточной выраженности стратегии, что позволяет сосредоточиться на исключительно валидных образовательных траекториях.

В качестве независимых переменных используются: территориальный признак (город/сельская местность); пол респондента; уровень успеваемости в школе; класс обучения (9, 10, 11). То есть, взяты атрибутивные, а не ценностно ориентированные признаки, что позволяет точнее оп-

ределить объектный сегмент анализа. Выбор трёх ключевых признаков (территория, пол, успеваемость) обусловлен тремя соображениями: 1) их теоретической значимостью в рамках теорий стратификации и рационального выбора; 2) практической целью сценарного моделирования, где необходимы легко измеряемые и интерпретируемые переменные для построения прогнозных сценариев; 3) обеспечением строгой сопоставимости данных 2018 и 2024 гг. Включение дополнительных регрессоров (например, социально-экономический статус семьи, ценностные ориентации и др.) могло бы повысить точность модели, но усложнило бы её практическое применение для прогнозирования и поставило бы под угрозу сравнимость временных срезов.

Для оценки влияния факторов применяется метод бинарной логистической регрессии, позволяющий выявлять вероятность выбора образовательной траектории в зависимости от социально-демографических характеристик. В качестве основной интерпретационной метрики используются отношения шансов (OddsRatio), демонстрирующие силу влияния каждой переменной при контроле остальных факторов.

Моделирование осуществляется в несколько этапов: базовая модель (территория, пол, успеваемость) и модель с интеракционными эффектами (взаимодействие успеваемости с полом и территорией). Подобная последовательность позволяет выявить не только прямые эффекты факторов, но и их структурные взаимодействия.

Самостоятельной частью методологии является сценарное моделирование вероятностей выбора образовательной траектории. Для более наглядной интерпретации результатов регрессионного анализа была построена модель сценарных вероятностей выбора образовательной стратегии при различных сочетаниях социальных и академических характеристик школьников.

Таким образом, методологическая позиция исследования исходит из принципа социологического реализма: образовательный выбор трактуется как результат взаимодействия индивидуальных характеристик и институциональных условий, а не как исключительно продукт «свободного выбора».

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирической основой исследования послужили результаты двух социологических опросов школьников 9–11 классов Омской области в 2018 (N=11 691) и 2024 (N=14 353) гг., репрезентативных по территориям (город/село) и классам (9, 10, 11), что показано в авторских свидетельствах о государственной регистрации баз данных³.

³ Трудовые ценности и профессиональное самоопределение школьников: свидетельство о гос. регистрации базы данных № 2025621054 Рос. Федерация: заявл. 25.02.2025; опубл.

В исследовании применялся комплекс методов количественного анализа.

1. Описательная статистика и сравнительный анализ: использовались частотные распределения и долевые показатели, отражающие структуру образовательных стратегий и динамику ориентации на ВУЗ и СПО.

2. Бинарная логистическая регрессия: основным аналитическим инструментом выступала логистическая модель, использованная для оценки вероятности выбора ВУЗа:

$$\ln\left(\frac{P(BY3=1)}{1-P(BY3=1)}\right)=\beta_0+\beta_1X_1+\beta_2X_2+\beta_3X_3+\beta_4X_4 \quad (1)$$

где:

X_1 – территория проживания,

X_2 – пол,

X_3 – успеваемость,

X_4 – класс обучения.

Дополнительно оценивались модели с интеракционными эффектами, что позволило выявить структурные различия действия факторов по полу и территории.

Результаты интерпретировались на основе: коэффициентов регрессии (β), отношений шансов (OddsRatio, OR), 95-процентных доверительных интервалов, уровней статистической значимости (p-value). Качество моделей оценивалось с использованием: псевдо-коэффициента детерминации (Pseudo R^2), логарифма функции правдоподобия, информационного критерия Акаике (AIC). При этом ещё в методологической части поясним, что логит-моделях Pseudo R^2 не равно статистическому R^2 . Поэтому значения 0,2–0,4 в социологии считаются хорошими, поскольку основная цель – оценка эффектов, а не точное предсказание.

Авторы отчётливо понимают, что существующие ограничения исследования (региональный характер выборки – Омская область, использование самооценки успеваемости) требуют дальнейших исследований. Однако одновременно большие объёмы выборок и устойчивость статистических эффектов позволяют рассматривать полученные результаты как аналитически надёжные и эмпирически значимые. Кроме того, в работе выявляются механизмы, а не абсолютные уровни.

Результаты исследования. Основные результаты анализа образовательных стратегий (2018–2024 гг.) как процентное соотношение бинарных выборов представлены в таблице 1.

06.03.2025 / И.В. Диннер, В.С. Половинко. EDN IOKTOQ; Проориентационная активность школьников старших классов: свидетельство о гос. регистрации базы данных № 2024622745: заявл. 28.06.2024; опубл. 08.07.2024 / И.В. Диннер. EDN EOWTHE

Таблица 1

Образовательные стратегии школьников в 2018 и 2024 гг. в разрезе социально-демографических характеристик, %

Table 1

Educational Strategies of School Students in 2018 and 2024 by Socio-Demographic Characteristics, %

Категория	2018 ВУЗ	2018 СПО	2024 ВУЗ	2024 СПО
Всего	77,6	14,1	49,3	37,7
Город	71,33	19,90	56,78	30,71
Село	89,03	3,36	41,16	45,33
Мужчины	71,93	15,96	46,56	41,94
Женщины	82,00	12,60	52,78	34,43
Успеваемость 2–3	51,6	28,2	11,0	51,7
Успеваемость 3–4	67,8	22,2	30,9	53,0
Успеваемость 4–5	85,7	7,7	67,5	24,3
9 класс	66,21	23,86	31,38	53,77
10 класс	87,34	5,61	73,13	16,28
11 класс	89,07	4,14	75,94	13,89

Источник: составлено авторами.

Данные позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Зафиксирована структурная трансформация образовательных стратегий школьников. В период 2018–2024 гг. произошло принципиальное изменение структуры образовательных предпочтений: доля ориентации на высшее образование снизилась почти на треть, тогда как выбор СПО вырос более чем в два с половиной раза. Динамика носит не компенсаторный, а системный характер, отражая пересборку образовательных приоритетов молодёжи.

2. Произошла инверсия территориального эффекта. Если в 2018 г. проживание в сельской местности увеличивало вероятность ориентации на высшее образование, то в 2024 г. ситуация изменилась на противоположную: сельская молодёжь демонстрирует более низкую ориентацию на ВУЗ и значительно более высокую ориентацию на СПО.

3. Характер выявленных изменений указывает на снижение привлекательности (или доступности? – требует дополнительного анализа) высшего образования для сельских выпускников, рост прагматических стратегий профессионального выбора, усиление территориальной дифференциации образовательных траекторий.

4. Успеваемость становится главным фильтром образовательной стратификации. Во всех выборках фиксируется жёсткая зависимость между уровнем академической успешности и направленностью образовательной траектории. В 2024 г. среди школьников с успеваемостью «2–3» ориентация на высшее образование становится минимальной, тогда как среди отличников со-

храняется устойчивая ориентация на ВУЗ. Таким образом, усиливается функция селективного механизма уровня образования: образовательная система всё в большей степени воспроизводит социальное расслоение, доступ к высшему образованию стал зависеть, прежде всего, от академических факторов.

5. Гендерная асимметрия образовательных стратегий усилилась. Если в 2018 г. девушки демонстрировали более сильную ориентацию на высшее образование по сравнению с юношами, то в 2024 г. различия сохраняются, но сопровождаются резким увеличением доли мужчин, выбирающих СПО.

6. СПО перестало быть «остаточной стратегией». Анализ данных не подтверждает трактовку среднего профессионального образования как вынужденного или вторичного маршрута, что было характерно для периода начала 2000-х годов. Рост доли СПО в образовательных стратегиях носит устойчивый, территориально дифференцированный, социально-обусловленный характер. Это свидетельствует о формировании новой модели профессиональной социализации, особенно выраженной в сельской местности и среди молодёжи со средней и низкой академической успеваемостью.

Таким образом, мы имеем дело не с отдельными различиями, а с эмерджентной моделью образовательной стратификации, формирующей долгосрочные различия в качестве человеческого капитала.

Для более точной оценки результатов частотного распределения остановимся на углублённом анализе отдельных результатов.

Известно, что на актуальность выбора влияют институциональные ограничения и барьеры. Российская система образования такой институциональной точкой определяет 9 класс, когда школьник должен определиться с возможностью/

желанием продолжить обучение в школе или в организациях СПО. Поэтому в ходе анализа была поставлена задача сегментации базы анализа отдельно на школьников 9 класса и 10–11 классы (см. таблицу 2).

Таблица 2

Образовательные стратегии учащихся 9 класса в 2018 и 2024 гг. в разрезе социально-демографических характеристик, %*

Table 2

Educational Strategies of 9th-Grade Students in 2018 and 2024 by Socio-Demographic Characteristics, %*

Категория	2018 ВУЗ	2018 СПО	2024 ВУЗ	2024 СПО
Всего	66,21	23,86	31,38	53,77
Город	60,97	39,03	43,03	56,97
Село	95,23	4,77	30,82	69,18
Мужской	69,98	30,02	34,75	65,25
Женский	76,35	23,65	38,53	61,47
Успеваемость «2–3»	48,47	51,53	9,54	90,46
Успеваемость «3–4»	59,54	40,46	20,47	79,53
Успеваемость «4–5»	85,42	14,58	56,26	43,74

* Вариант «нет определённых планов» исключены ввиду незначительности величин и недостаточной выраженности стратегии.

Источник: составлено авторами.

Результаты демонстрируют глубокую трансформацию механизмов раннего образовательного выбора. Если в 2018 г. ориентация на высшее образование оставалась доминирующей во всех основных социально-демографических группах, то к 2024 г. происходит системный сдвиг в пользу среднего профессионального образования. Наиболее существенные изменения наблюдаются в разрезе места проживания. В 2018 г. сельские девятиклассники демонстрировали практически универсальную ориентацию на высшее образование (95,2%), что понималось нами как компенсаторная стратегия преодоления территориальных ограничений. В 2024 г. данный эффект полностью меняется: 69,2% сельских учащихся 9 классов ориентируются на СПО, а доля ориентированных на ВУЗ сокращается более чем втрое.

Академическая успешность усиливает свою роль как структурного фильтра образовательного выбора. В 2018 г. даже среди учащихся с низкой успеваемостью почти половина рассматривала высшее образование как возможную траекторию. В 2024 г. для данной группы ориентация на ВУЗ становится незначительной, тогда как выбор СПО приобретает нормативный характер. Даже при средней успеваемости ориентация на высшее образование не превышает 21%, что свидетельствует о росте селективности доступа к ВУЗам уже на этапе 9 класса.

Что касается гендерных различий, то, оставаясь статистически значимыми, они утрачива-

ют определяющее значение. В обеих временных точках девушки чаще ориентированы на высшее образование, однако в 2024 г. рост привлекательности СПО приводит к сближению стратегий юношей и девушек за счёт снижения предпочтения высшего образования.

Таким образом, анализ образовательных траекторий девятиклассников в динамике 2018–2024 гг. позволяет трактовать этот институциональный рубеж как ключевую точку структурного перелома образовательных траекторий, в рамках которой СПО трансформируется из вторичной альтернативы в доминирующий канал продолжения образования для большинства социальных групп.

Для более уверенной интерпретации результатов в таблице 3 проведён регрессионный анализ.

Результаты логистической регрессии подтверждают наличие принципиально различных механизмов образовательного выбора среди учащихся 9 классов в 2018 и 2024 гг. В 2018 г. при прочих равных условиях сельские девятиклассники имели почти в девять раз более высокие шансы выбора ВУЗа по сравнению с городскими учащимися. Данный эффект отражал высшее образование как основной канал социальной и территориальной мобильности. В 2024 г. данный эффект полностью инвертируется. Проживание в сельской местности снижает вероятность ориентации на ВУЗ более чем в два раза, что свидетельствует о трансформации образовательного выбора.

Таблица 3

Факторы ориентации на высшее образование среди учащихся 9 классов: результаты бинарной логистической регрессии, 2018 и 2024 гг. (OR, 95% ДИ)

Table 3

Factors Influencing the Orientation toward Higher Education among 9th-Grade Students: Results of Binary Logistic Regression, 2018 and 2024 (OR, 95% CI)

Переменная	2018 OR	95% ДИ (2018)	p	2024 OR	95% ДИ (2024)	p
Сельская местность (1 = село)	8,9	[7,2; 11,1]	<0,001	0,44	[0,38; 0,51]	<0,001
Пол (1 = мужской)	0,72	[0,61; 0,85]	<0,001	0,89	[0,77; 1,02]	0,091
Успеваемость (1-3)	3,1	[2,7; 3,6]	<0,001	4,7	[4,0; 5,6]	<0,001
N	~3 400	—	—	~4 100	—	—
Pseudo R ² (McFadden)	0,28	—	—	0,33	—	—

Источник: составлено авторами.

Успеваемость демонстрирует устойчивое и усиливающееся влияние в обоих временных срезах. В 2018 г. рост успеваемости увеличивал шансы ориентации на высшее образование примерно в три раза, тогда как в 2024 г. данный эффект возрастает почти до пятикратного. Это указывает на усиление селективной функции высшего образования и превращение академической успешности в ключевой фильтр доступа к вузовской траектории уже на этапе окончания 9 класса. Гендерный фактор в 2018 г. был статистически значим: юноши реже ориентировались на высшее образование по сравнению с девушками. В 2024 г. данный эффект ослабевает и утрачивает статистическую значимость, что свидетельствует о снижении роли гендерных различий на фоне доминирования структур-

ных факторов – территории и академической успешности.

Таким образом, анализ логистических моделей для учащихся 9 классов подтверждает, что в период 2018–2024 гг. произошёл переход от компенсаторной модели образовательного выбора к селективной, в рамках которой высшее образование становится доступным преимущественно для академически успешных учащихся, тогда как СПО закрепляется в качестве основной траектории для большинства социальных групп, особенно в сельской местности.

Для выявления факторов ориентации на высшее образование среди учащихся старшей школы были построены бинарные логистические модели отдельно для 10 и 11 классов в массивах 2018 и 2024 гг., данные представлены в таблице 4.

Таблица 4

Факторы ориентации на высшее образование среди учащихся 10 и 11 классов: результаты бинарной логистической регрессии, 2018 и 2024 гг. (OR, 95% ДИ)

Table 4

Factors Influencing the Orientation toward Higher Education among 10th and 11th-Grade Students: Results of Binary Logistic Regression, 2018 and 2024 (OR, 95% CI)

А) 10 класс

А) Grade 10

Переменная	2018 OR	95% ДИ	p	2024 OR	95% ДИ	p
Сельская местность	4,6	[3,7; 5,8]	<0,001	0,71	[0,60; 0,84]	<0,001
Пол (мужской)	0,81	[0,68; 0,97]	0,022	1,08	[0,93; 1,26]	0,314
Успеваемость	2,4	[2,0; 2,9]	<0,001	3,6	[3,1; 4,2]	<0,001
Pseudo R ²	0,23			0,24		

Б) 11 класс

Б) Grade 11

Переменная	2018 OR	95% ДИ	p	2024 OR	95% ДИ	p
Сельская местность	2,1	[1,6; 2,8]	<0,001	0,83	[0,69; 1,01]	0,067
Пол (мужской)	0,88	[0,73; 1,06]	0,182	1,12	[0,95; 1,32]	0,176
Успеваемость	1,9	[1,6; 2,3]	<0,001	3,1	[2,6; 3,7]	<0,001
Pseudo R ²	0,24			0,23		

Источник: составлено авторами.

Результаты логистической регрессии для учащихся 10 и 11 классов демонстрируют постепенное ослабление влияния территориального и гендерного факторов и одновременное усиление роли академической успешности по мере приближения к окончанию школы. В 2018 г. проживание в сельской местности оставалось значимым фактором ориентации на высшее образование как в 10, так и в 11 классе, однако сила данного эффекта последовательно снижалась по мере перехода от 10 к 11 классу. Это указывает на то, что территориальные различия частично сглаживались в старших классах за счёт уже сделанного выбора образовательной траектории в 9 классе.

В 2024 г. территориальный фактор либо существенно ослабевает (10 класс), либо утрачивает статистическую значимость (11 класс). Это свидетельствует о том, что основной территориальный отбор происходит раньше – в 9 классе, после чего образовательные траектории закрепляются.

Успеваемость выступает наиболее устойчивым и усиливающимся предиктором ориентации на ВУЗ. В 2024 г. рост успеваемости увеличивает вероятность выбора высшего образования в 3–4 раза как в 10, так и в 11 классе, что указывает

на окончательное институциональное закрепление селективной модели доступа к высшему образованию. Гендерные различия в старших классах носят вторичный характер и в большинстве моделей не достигают статистической значимости, что подтверждает гипотезу о снижении роли пола по мере усиления структурных и академических факторов.

Таким образом, в динамике от 9 к 11 классу наблюдается смещение центра принятия образовательного решения: если в 9 классе выбор определяется сочетанием территориальных и академических ограничений, то в 10–11 классах решающим фактором становится успеваемость, а сама образовательная траектория приобретает характер институционально закреплённого выбора.

Для проверки сформулированного выше вывода были разработаны две логистические модели с интеракциями (2018 и 2024), где $Y = 1$ (ВУЗ), 0 (СПО). Чтобы основные эффекты и интеракции интерпретировались корректно, успеваемость центрирована: $perf_c = perf - 2$ (т.е. «0» соответствует уровню «3–4»). Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5

Факторы ориентации на ВУЗ: логистическая регрессия с интеракциями (OR, 95% ДИ)

Table 5

Factors Influencing the Orientation toward University: Logistic Regression with Interaction Terms (OR, 95% CI)

Переменная	2018 OR	95% ДИ	p	2024 OR	95% ДИ	p
Сельская местность (1=село)	13,65	[10,78; 17,29]	<0,001	0,52	[0,46; 0,57]	<0,001
Пол (1=мужской)	0,89	[0,78; 1,02]	0,107	1,29	[1,16; 1,44]	<0,001
Успеваемость (центр.)	4,60	[3,96; 5,34]	<0,001	5,03	[4,43; 5,71]	<0,001
Территория × успеваемость	0,26	[0,19; 0,35]	<0,001	0,93	[0,81; 1,08]	0,343
Пол × успеваемость	0,82	[0,67; 1,01]	0,057	0,90	[0,78; 1,04]	0,160

Источник: составлено авторами.

$N(2018) = 10\,713$, Pseudo R^2 (McFadden) = 0,165
 $N(2024) = 12\,491$, Pseudo R^2 (McFadden) = 0,134

Результаты анализа представлены на рисунке 1.

Интегральная визуализация предсказанных вероятностей демонстрирует принципиальное изменение логики образовательного выбора в период 2018–2024 гг. Во всех социально-демографических группах наблюдается резкое снижение вероятности ориентации на высшее образование при низкой и средней успеваемости. Особенно это выражено в сельской местности. Если в 2018 г.

территориальные и гендерные различия носили компенсаторный характер и сглаживались ростом успеваемости, то в 2024 г. академическая успешность становится ключевым селективным фильтром доступа к вузовской траектории. При этом сельские школьники и учащиеся с низкой успеваемостью демонстрируют системно более низкие вероятности ориентации на высшее образование даже при сопоставимых учебных достижениях, что свидетельствует об институционализации образовательного неравенства еще на ранних этапах образовательного пути (9 класс).

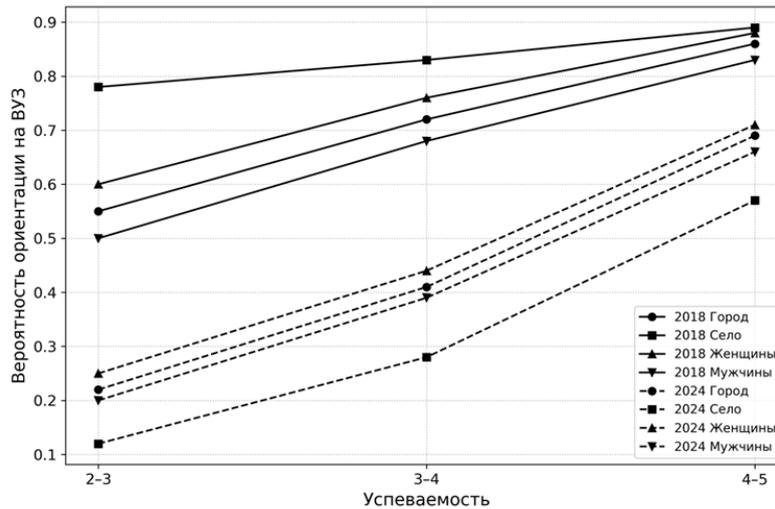

Рисунок 1. Предсказанные вероятности ориентации на высшее образование в зависимости от успеваемости, территории проживания и пола, 2018 и 2024 гг.
Figure 1. Predicted Probabilities of Orientation toward Higher Education by Academic Performance, Area of Residence, and Gender, 2018 and 2024

Источник: составлено авторами.

На следующем этапе для более наглядной интерпретации результатов регрессионного анализа и проверки гипотезы о практическом применении модели в прогнозных аспектах была построена модель сценарных вероятностей выбора образовательной стратегии при различных сочетаниях социальных и академических характеристик школьников. При этом напомним, что сценарное моделирование переводит коэффициенты в социально интерпретируемые величины, но не замещает модель, а расширяет интерпретацию.

В качестве основы использовались оценённые параметры бинарной логистической регрессии. Функциональная форма модели имеет вид:

$$P(Y_{UZ}=1|X) = \frac{1}{1 + \exp(-(\beta_0 + \beta_1 \cdot Rural + \beta_2 \cdot Male + \beta_3 \cdot Perf + \beta_4 \cdot Grade))} \quad (2)$$

где:

Rural – тип населённого пункта (1 – сельская местность, 0 – город);

Male – пол (1 – мужской, 0 – женский);

Perf – уровень успеваемости (1 – «2–3», 2 – «3–4», 3 – «4–5»);

Grade – класс обучения (9, 10, 11).

Для каждого сценария вычислялась прогнозная вероятность выбора высшего образования:

$$P^{(s)} = \frac{1}{1 + \exp(-(\hat{\beta}_0 + \hat{\beta}_1 \cdot Rural^{(s)} + \hat{\beta}_2 \cdot Male^{(s)} + \hat{\beta}_3 \cdot Perf^{(s)} + \hat{\beta}_4 \cdot Grade^{(s)}))} \quad (3)$$

где надстрочный индекс (s) обозначает конкретную комбинацию значений признаков, соответствующую тому или иному социально-академическому профилю учащегося.

Используя оценённую логистическую модель 2024 года, получены следующие коэффициенты:

- $\beta_0 = -0.305976$
- $\beta_1 = -0.662954$ (Rural)
- $\beta_2 = +0.257663$ (Male)
- $\beta_3 = +1.615253$ (Perf_c)
- $\beta_4 = -0.070245$ (Rural×Perf_c)
- $\beta_5 = -0.106388$ (Male×Perf_c)

Применив эти значения, например, для девочки из села, 10 класс, успеваемость 3–4 получаем, что прогнозная вероятность ориентации на высшее образование в 2024 г. составляет около 27,5%, что существенно ниже средних значений по выборке. Полученный результат отражает совокупное действие территориального ограничения и селективной роли академической успешности, при которой даже средний уровень успеваемости не обеспечивает высокой вероятности выбора вузовской траектории для сельских школьников.

Построение таких сценариев обеспечивает возможность:

- выявлять группы с высокой вероятностью отказа от высшего образования;
- диагностировать структурное образовательное неравенство по территории, полу и успеваемости;
- интерпретировать результаты логистической регрессии в терминах прикладных управленческих выводов для образовательной политики и регионального развития.

Выводы

Проведённый сравнительный анализ позволил эмпирически зафиксировать переход от компенсаторной модели образовательного выбора (2018 г.) к модели раннего селективного закрепления траекторий (2024 г.). Установлено: 1) инверсия территориального эффекта; 2) усиление роли академической успеваемости как ведущего селективного механизма; 3) превращение СПО в доминирующий канал для большинства социальных групп, особенно в сельской местности; 4) ключевая роль институционального рубежа 9 класса.

Исследование фиксирует тренд усиления образовательного расслоения как эмпирический факт, не давая ему нормативной (позитивной/негативной) оценки. Вместе с тем, процесс формирует новые вызовы для системы образования (доступность образования, перспективы формирования человеческого капитала в региональном разрезе и др.), что требует целенаправленного учёта и адресных мер в рамках государственной образовательной и социально-экономической политики для управления последствиями такой трансформации.

Отдельного внимания заслуживает результат сценарного моделирования: перевод коэффициентов логистической регрессии в прогнозные вероятности демонстрирует возможность использования модели для прогнозных расчётов при корректировке образовательной политики региона, при проведении адресной профориентационной работы.

Научная новизна работы состоит в том, что на сопоставимых данных двух временных срезов продемонстрирован переход от компенсаторной модели образовательного выбора (2018 г.) к модели раннего селективного закрепления траекторий (2024 г.), а также эмпирически раскрыта роль 9 класса как ключевой точки структурного перелома образовательных стратегий.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением набора предикторов (социально-экономический статус семьи, образовательные ресурсы школы, миграционные намерения), а также с включением ценностных и мотивационных индикаторов для комплексной реконструкции механизмов образовательного выбора.

В контексте последних изменений государственной политики в сфере образования, связанных с ограничением платного приема в вузах по ряду специальностей⁴ выявленные в исследовании тренды, вероятно, получат дополнительное ускорение и институциональное закрепление. Это будет способствовать окончательной кристаллизации двухконтурной системы, в которой высшее образование, особенно в гуманитарной и социальной сферах, становится еще более селективным, а СПО – массовым каналом профессиональной социализации. Это ставит новые вызовы перед системой СПО и региональными вузами, формирует эффект «ловушки средней успеваемости», которая заключается в том, что абитуриенты со средними академическими результатами оказываются в ситуации, когда доступ к качественному бюджетному высшему образованию для них затруднён, а выбор СПО может восприниматься как стратегия «второго сорта», что ведёт к рискам недоиспользования потенциала и снижения мотивации. Это требует дальнейших исследований и адресных мер образовательной политики.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ полностью подтверждает выдвинутую гипотезу о качественной трансформации образовательных стратегий в период 2018–2024 гг. Эмпирически доказано, что произошло: изменение институциональной роли СПО (из второстепенной или транзитной траектории оно превратилось в самостоятельный, экономически и институционально рациональный массовый выбор, особенно для сельской молодёжи и учащихся со средней и низкой успеваемостью); инверсия территориального эффекта ярко выражена: если в 2018 г. сельские школьники демонстрировали компенсаторно высокую ориентацию на вузы, то к 2024 г. село стало локусом наиболее выраженного сдвига в сторону СПО; превращение академической успеваемости в ключевой селективный фильтр доступа к высшему образованию (успеваемость стала основным фактором, дифференцирующим траектории уже на этапе окончания 9 класса).

Список источников

1. Разумова Т.О., Телешова И.Г. Трансформация системы высшего образования: вызовы и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 3. С. 338–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_338_349 EDN GGKNRO

⁴ Постановление Правительства РФ от 19.11.2025 г. № 1830 «Об утверждении Правил определения предельного количества мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического лица и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год»; Распоряжение Правительства РФ от 19.11.2025 г. № 3339-р «Об утверждении перечня направлений подготовки и специальностей высшего образования, научных специальностей, по которым определяется предельное количество мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании на 2026/27 учебный год».

2. Александрова О.А. Проблемы высшей школы: внутри и вне системы образования // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 2. С. 157–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168 EDN CWEQYO
3. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России / К.В. Рожкова, С.Ю. Роцин, С.А. Солнцев, П.В. Травкин // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161–190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190> EDN SBLJRI
4. Сапир Е.В., Чистякова А.А. Влияние социально-экономического неравенства на повышение межпоколенческой образовательной мобильности // Теоретическая экономика. 2023. № 5(101). С. 75–88. EDN GMKVCA
5. Цвигун И.В., Зимина Е.В., Бахматова Т.Г. Изучение образовательных стратегий, поступающих в высшие учебные заведения (на примере студентов Байкальского государственного университета) // Известия Байкальского государственного университета. 2024. Том 34. № 3. С. 459–474. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34\(3\).459-474](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(3).459-474) EDN OICHUF
6. Ломтева Е.В. Образовательная миграция молодежи, выбравшей среднее профессиональное образование: основные тенденции и факторы влияния // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Том 1. № 6(102). С. 156–172. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2024-101-156-172> EDN RXFTNN
7. Чередниченко Г.А. Перемены в послешкольных траекториях молодежи: социальная дифференциация // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 51–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250027362-1> EDN UQGBZA
8. Особенности образовательной стратегии выпускников школ при поступлении в региональные вузы России / Н.А. Овчар, Е.В. Ануфриева, Н.В. Дулина, Е.Г. Ефимов // Перспективы науки и образования. 2024. № 1(67). С. 763–778. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.1.43> EDN PNYGQS
9. Мальцева В.А., Сальникова И.Е., Шабалин А.И. Вместо университета – в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 45–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090> EDN HSCAZW
10. Blazquez C., Cantillo V., García L. What are The Determinants of Career Preferences? The Case of High School Students in Chile. *British Journal of Guidance and Counselling*. 2024;52(5):970–988. <https://doi.org/10.1080/03069885.2024.2342787>
11. Андрианов А.С. Профессиональное самоопределение старшеклассников в построении образовательной стратегии // Академическая мысль. 2022. № 3(20). С. 12–16. EDN ENELWB
12. Zahl-Thaenert A, Rye J.F. Spatial Inequality in Higher Education: A Growing Urban–Rural Educational Gap? *European Sociological Review*. 2024;40(6):1067–1081. <https://doi.org/10.1093/esr/jcae015>
13. Адамович К.А. Образовательные траектории российских учащихся после 9-го класса в 2000–2017 гг.: типы региональных ситуаций и предикторы различий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1(167). С. 116–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1792> EDN JJCRVR
14. Kriesi I., Sander F. Academic or Vocational Education? A Comparison of the Long-Term Wage Development of Academic and Vocational Tertiary Degree Holders. *Journal for Labour Market Research*. 2024;58:10. <https://doi.org/10.1186/s12651-024-00368-9>
15. Васенина И.В., Липатова М.Е., Сушко В.А. Профессиональные и образовательные стратегии современных абитуриентов // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Том 25. № 4. С. 102–123. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123> EDN JXVNOG
16. Логунова Л.Ю., Маженина Е.А., Уткина А.Н. Образовательные стратегии молодежи в контексте устойчивого развития // Гуманизация образования. 2022. № 2. С. 18–28. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10229> EDN JJRMUM
17. Christoph B. Tertiary Education, Changing One's Educational Decision and the Role of Parental Preferences. *Research in Higher Education*. 2024;65:283–302. <https://doi.org/10.1007/s11162-023-09752-9>
18. Bourdieu P, Passeron J-C. *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage Publications; 1990. 254 p. ISBN 9780803980913

Информация об авторах:

Владимир Семенович Половинко – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной экономики и управления человеческими ресурсами, факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

(SPIN-код: 8454-2897) (ResearcherID: A-4317-2017) (Scopus Author ID: 56728354400)

Игорь Владимирович Диннер – кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами, факультет экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (SPIN-код: 4692-3211)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 10.03.2026.

References

1. Razumova T.O., Teleshova I.G. Transformation of the System of Higher Professional Education: Challenges and Perspectives. *Urov-en' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(3):338–349. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_3_3_338_349 (In Russ.)
2. Aleksandrova O.A. Problems of Higher School: Inside and Outside the Education System. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(2):157–168. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_2_1_157_168 (In Russ.)
3. Rozhkova K.V., Roshchin S.Yu., Solntsev S.A., et al. The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates' Wages in Russia. *Voprosy obrazovaniya=Educational Studies*. Moscow. 2023;(1):161–190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190> (In Russ.)
4. Sapir E.V., Chistyakova A.A. The Impact of Socio-economic Inequality on Increasing Intergenerational Mobility in Education. *Teoreticheskaya ehkonomika=Theoretical Economics*. 2023;(5(101)):75–88. (In Russ.)
5. Tsvigun I.V., Zimina E.V., Bakhamatova T.G. Study of Educational Strategies of Students Entering Higher Education Institutions (On the Example of Students of Baikal State University). *Izvestiya Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Baikal State University*. 2024;34(3):459–474. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34\(3\).459-474](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2024.34(3).459-474) (In Russ.)
6. Lomteva E.V. Educational Migration of Young People Who Chose Secondary Vocational Education: Main Trends and Factors of Influence. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika=Domestic and Foreign Pedagogy*. 2024;1(6(102)):156–172. <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2024-101-156-172> (In Russ.)
7. Cherednichenko G.A. Changes in Youth After-School Trajectories: Social Differentiation. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*. 2023;(9):51–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250027362-1> (In Russ.)
8. Ovchar N.A., Anufrieva E.V., Dulina N.V. et al. Features of the Educational Strategy of School Graduates when Entering Regional Universities in Russia. *Perspektivy nauki i obrazovaniya=Perspectives of Science and Education*. 2024;1(67):763–778. <https://doi.org/10.32744/pse.2024.1.43> (In Russ.)
9. Maltseva V.A., Salnikova I.E., Shabalin A.I. Vocational School Instead of a University: What Brings Successful Eleventh-Graders to Vocational Education? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(3):45–66. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2090> (In Russ.)
10. Blazquez C., Cantillo V., García L. What are The Determinants of Career Preferences? The Case of High School Students in Chile. *British Journal of Guidance and Counselling*. 2024;52(5):970–988. <https://doi.org/10.1080/03069885.2024.2342787>
11. Andrianov A.S. Professional Self-Determination of High School Students in Building an Educational Strategy. *Akademicheskaya mysl'=Academic Thought*. 2022;(3(20)):12–16. (In Russ.)
12. Zahl-Thanem A, Rye J.F. Spatial Inequality in Higher Education: A Growing Urban–Rural Educational Gap? *European Sociological Review*. 2024;40(6):1067–1081. <https://doi.org/10.1093/esr/jcae015>
13. Adamovich K.A. Educational Trajectories of Russian Students After the 9th Grade in 2000–2017: Types of Regional Situations and Their Predictors. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(1(167)):116–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1792> (In Russ.)
14. Kriesi I., Sander F. Academic or Vocational Education? A Comparison of the Long-Term Wage Development of Academic and Vocational Tertiary Degree Holders. *Journal for Labour Market Research*. 2024;58:10. <https://doi.org/10.1186/s12651-024-00368-9>
15. Vasenina I.V., Lipatova M.E., Sushko V.A. Professional and Educational Strategies of Modern Applicants. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya=Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(4):102–123. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123> (In Russ.)
16. Logunova L.Yu., Mazhenina E.A., Utkina A.N. Youth Education Strategies in the Context of Sustainable Development. *Gumanizatsiya obrazovaniya=Humanization of Education*. 2022;(2):18–28. <https://doi.org/10.24411/1029-3388-2020-10229> (In Russ.)
17. Christoph B. Tertiary Education, Changing One's Educational Decision and the Role of Parental Preferences. *Research in Higher Education*. 2024;65:283–302. <https://doi.org/10.1007/s11162-023-09752-9>
18. Bourdieu P, Passeron J-C. Reproduction in Education, Society and Culture. London: Sage Publications; 1990. 254 p. ISBN 9780803980913

Information about the authors:

Vladimir S. Polovinko – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology, and Management, Dostoevsky Omsk State University (SPIN-code: 8454-2897) (ResearcherID: A-4317-2017) (Scopus Author ID: 56728354400)

Igor V. Dinner – PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology, and Management, Dostoevsky Omsk State University (SPIN-code: 4692-3211)

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 10.03.2026.